

— Дедушка, что будем делать? — По идее, после разделения семьи на три ветви, дрова тоже давно поделены, так что Лю Яоцин мог бы и не приходить. Но раз Юй-гэра из второй ветви тоже позвали, он не мог не беспокоиться.

Старик Лю попыхивал трубкой, выпуская густой белый дым, и сказал:

— Потом ходим в горы, собираем листьев и нарубим дров.

— А что дядя думает? — Лю Яоцин повернулся к Лю Цюаньфу.

— А что я могу думать? Третья ветвь живет на горе, ест вкусное и пьет сладкое, дров им хватит даже на следующий год. Что ещё поделаешь? — Лю Цюаньфу говорил с красными от злости глазами, чувствуя себя правым. Он считал, что третья ветвь не должна была уносить эти дрова, иначе этой зимой их точно хватило бы.

С полуулыбкой посмотрев на Лю Цюаньфу, Лю Яоцин сказал:

— В прошлые годы дров всегда было столько же, и большую часть заготовил мой отец. Почему только в этом году их не хватает?

Раньше Лю Цюаньцзинь топил кан в главной комнате, используя дрова вдоволь. Когда же дело доходило до их дома, то либо в хорошую погоду не топил вовсе, либо в холод немного подкидывал, чтобы кан был слегка теплым. К полуночи он становился ледяным, пронизывающим холод до костей. Лю Яоцин и Син-гэ тогда целыми ночами не могли уснуть, холод пробирал от ног до колен, а по утрам они долго не могли согреться.

Не говоря уже о первой ветви, старик Лю каждую зиму спал на теплом кане, и дрова на это шли из запасов третьей ветви. Теперь, когда Лю Яоцин забрал дрова третьей ветви, здесь сразу стало не хватать.

Старик Лю знал это. Раньше он гордился, что Лю Цюаньцзинь почтительный сын, и втайне радовался, но теперь не мог открыть рта — было слишком больно, словно пощечину получили.

— Дедушка прав, нет дров — значит, надо идти и собирать их самим. Горы никуда не денутся, можно пойти в любое время, — сказал Лю Яоцин и повернулся к Юй-гэру. — У вас дома вечером топят кан?

— Нет. Мама хотела растопить кан, но дядя не разрешил, — ответил Юй-гэр и поднял глаза на старика Лю. — В тот момент дедушка и бабушка стояли во дворе, но так и не вмешались.

Получается, что дрова второй ветви тоже забрали главная комната и первая ветвь, и даже этого оказалось недостаточно.

— Я думаю, так и сделаем, — Лю Яоцин подумал и сказал. — Нельзя же заставлять дедушку ходить в горы за дровами, а то деревенские будут смеяться, что третья ветвь сыновьям не почтительна. Юй-гэр, я велю парням каждый день носить дрова и лично топить кан для дедушки и бабушки. И ваш кан, и кан второй тётки тоже буду топить.

Изначально старик Лю планировал пойти в горы за дровами, захватив и долю первой ветви, но теперь Лю Яоцин сразу же эту лазейку закрыл.

— Так и сделаем. Как только дрова у входа закончатся, я тогда и начну топить кан для дедушки и бабушки, — улыбнулся Лю Яоцин, тем самым решив вопрос.

В деревне было много семей, кому на всю зиму не хватало дров, но никто не расходовал их так расточительно.

Кан в главной комнате топила первая ветвь, видимо, изо всех сил стараясь, ведь сами они дрова не заготовливали и не знали, как это тяжело.

Уходя из дома Лю, Лю Яоцин вздохнул:

— Дядя ведёт себя всё неприличнее. Юй-гэр, работай усердно эти дни, и как накопишь достаточно денег, лучше перебирайся жить на гору, чтобы в будущем меньше проблем было.

— Хорошо, — Юй-гэр, видимо, тоже об этом думал.

Через несколько дней опыление кукурузы закончилось, а Чжэцзы-гэ поправился. Дрова в доме Лю подошли к концу, и Лю Яоцин велел Хань Да каждый день помогать топить кан, в том числе и кан Юй-гэра, ежедневно записывая ему это в счёт.

У первой ветви дров не было...

Похолодало, работы в поле не было, знакомые ходили в гости друг к другу, собираясь кучковаться на кане. Чаще всего говорили о мастерской лепёшек на горе: каждый день торговцы увозили оттуда большие тюки с лепёшками. Сельчане смотрели на это оживленно и прикидывали, сколько же денег зарабатывает Лю Яоцин.

Кроме мастерской, обсуждали нынешнюю семью Лю.

— Я слышал, что в эти дни Цин-гэр специально нанимает людей топить кан для старика Лю, а у старшего сына дров нет, так что он целыми днями валяется на кане у отца.

— Всё хуже и хуже. Взрослый мужик, мог бы просто сходить в горы, набрать листьев и натопить.

— Кто бы мог подумать, но раньше они же столько дров заготовливали, почему в этом году не хватило?

— Эй, ты разве не знаешь? В прошлые годы их третья и вторая ветви почти не топили кан, все дрова шли на старика Лю и старшего сына. Говорят, Цин-гэр из-за этого хилым был, зимой на холодном кане спал, вечно болел, вот и подорвал здоровье.

— Старик Лю, походу, совсем с ума сошел? Как он так-то?

— Да потому третья ветвь слишком почтительная была, всё самое лучшее отцу отдавала.

Поговорили, вздохнули. Теперь Лю Яоцин не казалось, что он поступает слишком уж сурово, скорее его сочувствовали. Если бы старик Лю с самого начала не был так скуп к Цин-гэру, жизнь семьи Лю сейчас бы шла в гору.

Подумав об этом, все примолкли, задумавшись о своих детях. Не упустили ли они кого-то? Вдруг их дети, как и Цин-гэр, выбьются в люди, а потом отвернутся от родителей.

Как вы к детям относились, так они и к вам в старости отнесутся.

В теплице опыление кукурузы было завершено, и вторая партия вина «Персиковый нектар» тоже созрела. Лю Яоцин оставил себе один глиняный кувшин, а остальные перенёс к Чжэцзы-

гэ и спрятал, не собираясь продавать ни одного.

— Цин-гэр, тебя покупатель лепёшек ищет, — подбежал Син-гэ, тяжело дыша.

— Пусть подождёт, я сейчас приду, — Лю Яоцин подождал, пока Син-гэ уйдёт, и уложил Чжэцзы-гэ на кан, чтобы проверить, как заживают раны на спине.

В последние дни они почти всё время были вместе, ели одно и то же, причём Лю Яоцин ел больше мяса и яиц, но всё равно оставался худым и бледным, как цыпленок. Чжэцзы-гэ же, словно потихоньку тренировался, и на спине у него даже проступили мышцы.

Чжэцзы-гэ уткнулся лицом в подушку, только кончики ушей торчали и покраснели. Голос у него был глуховат:

— Я уже несколько дней не мылся, Цин-гэр, не трогай.

— Не грязный, — Лю Яоцин потер ладони и внимательно ощупал раны на спине Чжэцзы-гэ. Убедившись, что они зажили полностью, только тогда успокоился. В душе он всё ещё злился на Нью Лаосаня.

Судя по срокам, уездный начальник Ду должен был проверить поведение братьев Нью. Лю Яоцин поджал губы, помог Чжэцзы-гэ одеться и вместе с ним пошёл в мастерскую лепёшек.

У входа в мастерскую стояло несколько телег, доверху гружённых тюками с лепёшками. Несколько подмастерьев стояли у стены, укрываясь от ветра, и, завидев Лю Яоцин, улыбнулись и поприветствовали его.

— Много лепёшек взяли в этот раз, — Лю Яоцин был знаком с этими людьми, они были из первого каравана, ставшего покупать лепёшки.

— Холодно, лепёшки хорошо хранятся, мы решили взять побольше, чтобы потом перепродать, — вышел вперед голова каравана, а подмастерья остались стоять, улыбаясь.

Лю Яоцин понял, что он хочет поговорить с ним наедине, и пошёл к нему навстречу, отходя в сторону.

— Это письмо от бабушки с лотка лепёшек в уездном городе, — голова каравана достал из рукава письмо и протянул его Лю Яоцин.

— Хорошо, я понял, — Лю Яоцин принял письмо и попросил его подождать, а сам зашёл в мастерскую, взял томатный соус и отдал ему в благодарность за доставку письма.

Получив томатный соус, голова каравана с радостью ушёл.

Лю Яоцин и Чжэцзы-гэ вернулись в комнату, закрыли дверь, открыли письмо и, прислонившись к окну, внимательно прочитали.

Письмо было от уездного начальника Ду. Во-первых, он писал, что братья Нью ведут себя смиренно; в тюрьме они не страдали, но выглядели неважно, так что вряд ли смогут натворить бед. Во-вторых, он упомянул помощника уездного начальника: сказал, что его единственный сын в ближайшее время собирается приехать в деревню Шангу, и велел Лю Яоцину быть готовым.

Тот самый молодой господин, который любит приставать к красивым гэрэм и ведёт себя

бесчинственно, зная, что отец его прикроет.

В прошлый раз, когда Лю Яоцин был в уездном городе, он не слышал новостей об этом молодом человеке, но на улице действительно не видел красивых гэров. Те, кто выходил из дома, в основном были при мужьях, показывая, что уже в браке.

— Попроси уездного начальника Ду написать поручительство для братьев Ню и отпустить их,
— Лю Яоцин подумал. — А насчёт того господина Чжао...

— Цин-гэр, не бойся, — Чжэцзы-гэ крепко сжал руку Лю Яоцин, глядя на него очень серьёзно, зрачки чистые. — Если он посмеет что-то сделать, я его убью.

<http://bllate.org/book/16688/1531984>